

Опубликовано:

Бахурин Ю.А. Причины и последствия вынужденным переселений в России в годы Первой Мировой войны: этнический (еврейский) аспект // Начало-9: Сб. научных статей аспирантов и соискателей. Коломна, 2010. С. 215-226.

Ю.А. Бахурин

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭТНИЧЕСКИЙ (ЕВРЕЙСКИЙ) АСПЕКТ

История Первой мировой войны и участия в ней России на сегодняшний день полна лакун. И если аспекты военно-исторической проблематики в последнее время исследуются все интенсивнее, то всестороннее рассмотрение социальной истории России в 1914-1917 гг. находится на этапе становления. Здесь одной из базисных является этносоциальная тема, ибо межнациональные отношения в условиях военного времени весьма важны для любого государства со сложным этническим составом. В конкретике же России они требуют внимательного изучения для понимания их влияния и на ход военных действий, и на политическую устойчивость империи в целом, что, в свою очередь, позволит приблизиться к выяснению причин революционных потрясений 1917 года.

Настоящая статья посвящена одной из составляющих обозначенной темы – вынужденным переселениям еврейского населения России в годы Первой мировой войны. Собственно термин «вынужденные переселения» включает в себя (наряду с предложенным профессором П. М. Поляном понятием «принудительные миграции»), с одной стороны, насильственное перемещение гражданских лиц, а с другой – стихийные движения массы беженцев от западных границ России вглубь ее территории. Применительно к 1914-1915 годам данные сюжеты, остающиеся (особенно, в этническом плане – немецком, еврейском, литовском, польском и пр.) объектом острой полемики в публицистике и научной литературе, недостаточно исследованы отечественными историками. В свою очередь, это предполагает поиск ответов на ряд вопросов: в чем причины столь масштабных и жестких мер властей, как соотносятся между собой организованные и неорганизованные переселения, какие они повлекли за собой последствия? В этой связи рассмотрение истоков исследуемых событий (в нашем случае – перемещения проживавших в прифронтальной зоне местных жителей-евреев)

резонно начать с обзора состояния и эволюции «еврейского вопроса» в России за предшествующие три десятилетия.

К 1881 г. едва ли не нормой отношения российского общества к имперским подданным-евреям стала сформулированная консервативным мыслителем и историком Д. И. Иловайским следующая позиция: они являются вторым после поляков по численности и деструктивной мотивировке элементом революционного движения¹. Обозначенная точка зрения последовательно отразилась на отношении к инородцам в армейской среде. К примеру, за время нахождения на посту военного министра П.С. Ванновского (с 1881 по 1898 гг.) был составлен перечень должностей, на которые не допускались евреи и поляки; перечень, правда, весьма громоздкий и переполненный разного рода оговорками. В 1910 г. заведующий законодательным отделом канцелярии Военного Министерства генерал-майор Н. Н. Янушкевич выдвинул предложение изъять евреев из состава вооруженных сил, что, по его мнению, было «возможно лишь при условии совершенного удаления евреев из пределов родины или путем возложения на них денежного налога»². Столь радикальные меры обосновывались сведениями о большом недоборе в армию евреев-новобранцев в 1901-1908 гг. и о значительном количестве евреев-солдат, сдавшихся в плен во время недавней русско-японской войны. Однако предложения эти были признаны трудновыполнимыми и не получили развития. Янушкевич, между тем, не оставил своих призывов даже с началом войны.

Следует отметить, что к началу XX века заметно выросла эмиграция евреев из Российской империи. Если количество отбывших в Североамериканские Соединенные Штаты в 1881-1897 гг. составило 465000 человек³, то лишь за 1903-1906 гг., по утверждению члена I Государственной Думы от фракции кадетов Левина, в Америку уехали 400 тыс. евреев⁴. Однако навряд ли эти показатели могли ощутимо влиять на межнациональные отношения в сравнении, например, с нашумевшим делом Бейлиса. Катализатором же вспышки антисемитизма и аналогичной государственной политики, начиная с 1914 года, стала шпиономания.

«Невозможно спорить с тем, что в годы Первой мировой войны среди российских евреев... были немецкие шпионы⁵» – замечает американский историк У. Фуллер, подтверждая

1 См.: Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье: Евреи и русская революция // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 3.

2 Миндлин А.Б. Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» // Вопросы истории. 2002. №4. С. 19; Хаген фон, М. Пределы реформ: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 гг. // Отечественная история. 2004. №5. С. 44.

3 Stampfer S. Patterns of Internal Jewish Migration in the Russian Empire // Jews and Jewish life in Russia and the Soviet Union. Lnd., 1995. P. 43.

4 Галай С.М. Еврейские погромы и роспуск I Государственной Думы в 1906 году // Вопросы истории. 2004. №9. С. 38.

5 Fuller W.C. The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Itchaca (NY), 2006. P. 173; в пер.: Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 206.

это суждение фактом передачи Германии планов российской мобилизации торговцем Пинкусом Урвичем. В этой связи немудрено, что уже в конце августа 1914 г. в донесении Варшавского губернского жандармского управления сообщалось о росте враждебности поляков к евреям, подозреваемым в содействии врагу. Последние фигурировали в качестве обвиняемых или подозреваемых в 20-30% дел, заведенных контрразведывательными органами 2-й, 8-й и 10-й армий⁶.

Ни Ставка, ни командование на местах, исповедуя принцип коллективной ответственности народа, не замешкались с мерами противодействия возможному шпионажу – в начале августа 1914 года, было выселено еврейское население посада Яновец Радомской губернии. Позднее за ними последовали «неблагонадежные» жители посада Рыки, Мышенца Ломжинской и Новой Александрии Люблинской губерний, причем, в последнем случае выселение происходило дважды – в конце августа и в начале сентября. В октябре та же участь не миновала евреев из местечек Пясечна, Гродзиска и Скерневиц Варшавской губернии; в частности, из Гродзиска было выселено 4000 чел. (включая 110-летнюю старуху⁷).

В самом начале войны русская общественность ужасалась бесчинствам, чинимым германскими войсками в Царстве Польском, когда, например, в Калише была расстреляна еврейская девушка Зейм, отвергнувшая гнусное предложение немецкого офицера⁸. Однако уже в ноябре 1914 г. в качестве необходимой меры рассматривался Приказ войскам укрепленного района, крепость Новогеоргиевск, от 27 ноября 1914 года, гласивший: «... При занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников, предупреждая, что в случае изменнической деятельности какого-либо из местных жителей заложники будут казнены»⁹. И это с учетом, что евреи составляли более половины населения самого Новогеоргиевска и его окрестностей¹⁰, а входивший в крепостной район Новый Двор и вовсе был населен практически исключительно ими¹¹.

Позднее, в мае 1915 г., видимо, не удовлетворившись локальными результатами такой политики, Ставка отдала предписание практиковать взятие в заложники евреев на всем

⁶ См.: *Иванов А.А.* Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914-1917) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. №4. С. 1048.

⁷ *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 29.

⁸ Цит. по: *Резанов С.А.* «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» // Военно-исторический журнал. 1998. №3. С. 29.

⁹ Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 247-248; Из «Черной книги» российского еврейства: Материалы для истории войны 1914-1915 гг. // Еврейская старина. Т. X. Пг., 1918. С. 215; *The Jews in the Eastern war zone.* N.Y., 1916. P. 53; *Pinson K.S.* Essays on anti-Semitism. N.Y., 1946. P. 144.

¹⁰ *Cohen C.G.* Shtetl FINDER Gazetteer: Jewish Communities in the 19th and 20th Centuries in the Pale of Settlement of Russia and Poland, and in Lithuania, Latvia. Bowie, (Md.), 1989. P. 63-64; *Levin S., Orbach V.* Encyclopedia of Jewish Communities – Poland: Vol. IV: Warsaw and District, Yad Vashem, 1989. P. 216.

¹¹ ИРГВИА. Ф. 13139. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.

протяжении линии фронта; отметим, правда, что не получил широкого применения действовавший в Гродненской губернии запрет на распространение корреспонденции и прессы на идише¹² (в Гродно на 1 июня 1916 г. евреи составляли 63,51% общего количества жителей).

После начала Горлицкого прорыва и отступления русских войск из Галиции, за ними потянулось гражданское население, в том числе, и еврейское (множество фактов добровольного отъезда последних во внутренние губернии России делает более чем сомнительными обвинения всего еврейского населения в тотальном шпионаже). Однако для въезда в пределы Российской империи требовался пропуск, который можно было получить не только в канцелярии местного генерал-губернатора, но также у градоначальника, губернаторов, начальников уездов. Но даже в хаосе эвакуации чиновники паспорта выдавали всем, кроме евреев, что порождало неорганизованную миграцию¹³.

В условиях спешки перемещение беженских масс закономерно стало выходить из-под контроля, что повлекло за собой серьезные затруднения в деятельности транспорта. Еще в октябре 1914 г. германские войска, отходившие из левобережной Польши, широко применяли заграждения от преследования, выражавшиеся в порче железнодорожных путей, мостов и переправ¹⁴. Менее чем год спустя тяжелейшее отступление уже русских войск из западных губерний сильно осложнилось эвакуацией населения. Если к концу июня передислокация войск по железной дороге осложнялась лишь отправкой эвакуируемого имущества «некоторых начальствующих лиц¹⁵», то к осени беженцами всего за один месяц было захвачено 115 тыс. товарных вагонов. «Русские и еврейские беженцы, как саранча двигаются на восток, неся с собою панику, горе, нищету и болезни¹⁶» – эмоционально, но, по сути, достоверно вспоминал начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович; поток голодающих беженцев, серьезно осложнил уже наметившийся продовольственный кризис в Петрограде.

Весь маршрут этого массового бегства был отмечен могилами. И это не случайно. «Вошь давно поедает беженцев... Многие таборы сделались рассадниками вшивой заразы. Для борьбы с этой расползающейся нечистью беженцы разводят среди поля большое пламя и на этих кострах-вошебойках выпаливают кишасщее паразитами белье» – свидетельствует очевидец, военный врач Л. Н. Войтоловский¹⁷.

¹² Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Гродно, 2003. С. 283.

¹³ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001. С. 154.

¹⁴ Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. Т. 1. Кампания 1914-1915 гг. М., 1938. С. 233.

¹⁵ Приказ Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 23 июня 1915 г. №245.

¹⁶ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. Нью-Йорк, 1960-1962. С. 147.

¹⁷ Цит. по: Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998. С. 344.

Ни одна из общественных или правительственных организаций не оказалась готовой к помощи людской массе, оказавшейся в столь ужасном положении – ни земские и городские управы, ни органы Красного Креста, ни администрация транзитных или принимающих губерний. Все они вынуждены были предпринимать спешные меры с целью некоторого упорядочения движения беженцев¹⁸. Еще в 1914 г. был создан Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), но даже получив признание и поддержку со стороны властей, он оказался неспособным оказывать в требуемом объеме содействие как евреям-беженцам, так и их единоверцам, выселенным из западных губерний.

Более того, даже в Главном управлении по устройству беженцев были сильны настроения подозрительности в отношении евреев. Своеобразное (и не чуждое конспирологии) мнение на сей счет содержится в воспоминаниях уполномоченного Северопомощи полковника Е. А. Никольского: «...Вообще еврейское население было послушно каким-то мне неизвестным распоряжениям, исходившим из какого-то центра... которым они все, безусловно, повиновались». И далее: «...Все решительно евреи, населявшие... Польшу и Белоруссию, остались на своих местах жительства¹⁹». Справедливости ради, приведем свидетельство генерала Эриха Людендорфа о том, что часть евреев, оставшаяся на оккупированной территории, не создавала затруднений германским войскам и даже выполняла роль посредников²⁰.

Атмосфера отношений населения и руководства на местах с евреями намеренно накалялась. Например, в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии руководство отделов Союза Русского Народа настраивало крестьянское население против еврейских беженцев. Эти действия едва ли имели успех, так как уездным праворадикальным организациям не хватало поддержки со стороны населения, но они весьма показательны как пример искусственной эскалации межэтнических конфликтов националистически настроенными слоями общества.

В самый разгар «Великого Отступления» русской армии и интернирования еврейского населения из прифронтовой полосы, в августе 1915 г., крупный землевладелец, убежденный правый Г.А. Щечков писал редактору «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирову: «Черта оседлости и еврейские законы, по-моему, крайне недостаточны, но отменять их теперь... было бы для России гибелью²¹». Между тем, именно последовательно проводимая верхами

18 Цит. по: *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 гг. М., 2007. С. 157.

19 Цит. по: *Никольский Е.А.* Записки о прошлом. М., 2007. С. 214-215.

20 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Минск, 2005. С. 185.

21 Цит. по: Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 годах // Вопросы истории. 1996. №1. С. 125.

антисемитская политика завершилась ликвидацией черты оседлости. 4 августа 1915 г. по предложению князя Щербатова евреям было дано право жительства в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и территорий, находящихся в ведении Военного министерства и министерства Двора²². Распоряжением «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости» от 19 августа 1915 г. еврейским беженцам был открыт свободный доступ на территорию метрополии; размещать их в сельской местности было по-прежнему запрещено, но после Февральской революции 1917 г. эти последние ограничения были сняты.

Интернирование еврейского населения западного порубежья России продолжалось и после завершения «Великого Отступления» русской армии – по сообщению М. К. Лемке, к весне 1916 г. «галичан выселено в Астраханскую губернию 1903 и еще подлежит высылке – 2200 человек. Из Ровно после еврейской пасхи будет выселено в Курскую губернию 2000 евреев²³».

Как сообщалось в одном из сотен прошений еврейских общин, выселенных из Польши и Прибалтики: «Старики и дети, роженицы и больные тянутся вереницей в темных вагонах, на подводах и пешком, голодные, полунагие, вынужденные в один день бросить все свое достояние... Этой участи не избежали даже жены и дети воинов-евреев, проливающих свою кровь за честь и славу России, а равно и сами воины-евреи, отпущенные домой вследствие полученных ран²⁴»; антисемитские настроения в определенных слоях российского общества при этом только разгорались с небывалой силой.

Если в Тамбовской губернии еще к концу 1915 г. не были редкостью случаи бесплатного предложения беженцам квартир для размещения, то уже весной следующего года участились случаи их выдворения из жилищ при полном отсутствии свободных помещений²⁵. Ранее 146 евреев – австрийских подданных, женщин, стариков и детей, были отправлены в товарных вагонах в Ирбит. Местный уездный исправник, не зная, что делать, на всякий случай заключил их в тюрьму...

Ситуация с беженцами оставалась острой и к 1917 году. Например, в Казанской и Нижегородской губерниях. В Нижнем Новгороде беженцы к весне 1917 г. составляли 15% от общего населения города²⁶. Местное население было крайне отрицательно настроено в

22 *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию 1907-1917. М., 2003. С. 106.

23 *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке 1916. Мн., 2003. С. 386.

24 Из истории и мифологии революции. Почему еврей? «Круглый стол» // Отечественная история. 2000. №2. С. 101.

25 *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 143.

26 *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge (Mass.), 2007. P. 225; *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Bloomington (IN), 1999. P. 3.

отношении нерусских беженцев, усугублявших нехватку продовольствия. В конце июля в городе вспыхнул бунт; правительственный военный отряд был обстрелян вооруженными эвакуированными лицами и черносотенцами²⁷. Во избежание углубления конфронтации и выхода ситуации из-под контроля властей с сентября 1917 г. партии беженцев отправлялись из Нижнего Новгорода в Вятку, Уфимск и Симбирск на баржах.

Около 12000 поляков, 3000 евреев, 2500 литовцев и сотни латышей были эвакуированы в Смоленскую губернию в 1915-1916 гг.²⁸; немалая их часть затем осела в Смоленске, пополнив ряды безработных в губернском центре, население которого к 1917 г. увеличилось с 75000 до 85526 человек. Еще в разгар эвакуационных мероприятий над вывезенными в Смоленск евреями был усилен полицейский надзор, они открыто обвинялись в ухудшении положения в губернии. Так, в августе 1915 г. смоленский губернатор обвинил купца Мелиаха Полонского в спекуляции; в течение года было возбуждено ряд иных уголовных дел в отношении евреев, большинство из которых были прекращены из-за отсутствия состава преступления²⁹.

Как вспоминал генерал М.В. Грулев, в одном из местечек Седлецкой губернии некоего инвалида русско-японской войны оставили без средств к существованию за исключением трехрублевого пособия, на которое можно было умереть от голода, а вот прожить – едва ли. Причиной стало его еврейское происхождение, мешавшее занятиям коммерцией, даже в рамках содержания питейного заведения; разрешение товарища министра финансов Покровского на открытие безруким ветераном своего было дезавуировано местным акцизным чиновником³⁰.

По данным английского историка П. Гетрелла, 17% от общего количества еврейских беженцев осело в центральных губерниях России, более 14% обосновалось в Поволжье, тогда как путь для 4% пролегал на Урал и в регионы Сибири³¹. Приток в них мигрантов, по словам историка М. Кулишера, за два коротких года превысил количество переселившихся в Сибирь с 1885 г.³²

Подчас они лишались даже возможности почтовой связи – например, в Вятке вся перлюстрированная корреспонденция на идише не отправлялась адресату, а оставалась в

27 Чхартишвили Г.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. №8. С. 140.

28 Hickey M. Smolensk's moderate socialists // Revolutionary Russia: New Approaches. Lnd., 2004. P. 181.

29 Лызлова Т. «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века // Родина. 2006. №2. С. 35.

30 Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 230-231.

31 Gatrell P. Domestic and International Dimensions of Population Displacement in Russia // Russia in the Age of Wars, 1914-1945. Milano, 2000. P. 45-46.

32 Цит. по: Gatrell P. War, Population Displacement and State Formation in the Russian Borderlands, 1914-24 // Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918-1924. Lnd., 2004. P. 13.

местной почтовой конторе для изучения и хранения. Несмотря на установку «переписка на еврейском языке способствует шпионажу», ничего предосудительного в ней выявлено не было³³.

При этом для писем от нижних чинов и офицеров Действующей Армии командованию с обвинениями евреев-фронтовиков препон не существовало. Уже в начале кампании 1914 г. генерал Лукомский получил анонимное донесение из 5 батареи 32-й артбригады, из которого следовало, что «жиды – суть враги Отечества, а между тем они пользуются в батарее особым покровительством и обвешиваются Георгиевскими крестами³⁴». К чести командующего дивизией, он незамедлительно потребовал разыскать доносчика, однако поиски вполне ожидаемо завершились ничем.

В данном контексте не заслуживает оправдания, но и не удивляет факт службы евреев в легионе «Украинских сечевых стрельцов»³⁵, выступления с оружием в руках против русских войск, в которых служили их братья.

В западной литературе встречается информация о едва ли не гуманном отношении к евреям в Австро-Венгрии в годы войны. Не углубляясь в эту тему, укажем, что историк Б. Паули³⁶, к сожалению, вовсе не упоминает о концентрационном лагере Талергоф в Штирии, содержащиеся в котором пленные русские и евреи подвергались одинаково тяжким истязаниям. Например, по свидетельству очевидца, униатский священник угрозами и побоями был принужден везти на тачке еврея, которого позже заставили возить самого священника.

Однако, каково же общее количество интернированных в годы Великой войны в России евреев? В научной литературе нет единого мнения на этот счет. В 1914-1917 гг. до 5 млн. человек³⁷ (специалистами приводятся и цифры в 6 и в 7,5 млн. человек³⁸) вынуждены были уйти из родных мест вглубь страны с надеждой на скорое возвращение. Из них, по данным американского историка К. Финка, 500000 чел. составляли представители еврейской

33 См.: Хранилов Ю.П. «Что им за дело до чужих писем, если брюхо сыто» // Военно-исторический журнал. 1997. №2. С. 28.

34 Цит. по: Милоданович В. «Полевой жид» и его коллеги // Сержант. 2002. №1. С. 15.

35 Лазарович М. Культурно-просвітницька діяльність Українських Січових Стрільців у роки Першої світової війни. Тернопіль, 2003. С. 13.

36 См. Pauley B.F. From Prejudice to Persecution: A History of Austrian Anti-Semitism. Chapel Hill; Lnd., 1998.

37 Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914-1917 гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 85-86; Zolberg A.R., Suhrke A., Aguayo S. Escape from Violence: Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World. N.Y., 1992. P. 16.

38 Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. IV научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Сборник научных трудов. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 278; Gatrell P. The First World War and War Communism, 1914-1920 // The Economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945. N.Y., 1994. P. 217.

народности³⁹; другие ученые, в том числе выдающийся специалист по истории российского еврейства Дж. Клиер, увеличивали эту цифру до 600000⁴⁰. Эти цифры представляются правдоподобными, если вспомнить о докладе премьер-министра И.Л. Горемыкина императору Николаю II от 15 мая 1915 г., упоминавшего о 300 тысячах евреев, подлежащих выселению из одной лишь Курляндской губернии и добавлявшего, что «общее количество выселяемых, несомненно, во много раз превысит приведенную цифру». В то же время известный исследователь Алан Крамер беспелляционно рассуждает и о более чем миллионе изгнанных евреев, но это предположение ничем не подкрепляется и не может быть принято на веру⁴¹.

Здесь уместно подчеркнуть, что перемещение мирного (в том числе и еврейского) населения как явление, характерное для Великой войны, происходило не только на территории Российской империи. В Австро-Венгрии упомянутый выше Б. Паули насчитывает 41365 беженцев из их числа, осевших в Богемии и 18487 человек, выдворенных из Галиции в Моравию⁴², а П. Холквист упоминает, что в Германии выселение десятков тысяч евреев, как «нежелательных элементов», практиковалось еще задолго до начала Первой мировой⁴³. Но в любом случае эти цифры явно уступают вышеприведенным колоссальным данным по России.

Так или иначе, за статистическими данными скрываются беспримерные тяготы и лишения, вынесенные в подавляющем большинстве мирным населением империи, не уличенным в изменнической деятельности. Столь масштабные переселения были во многом спровоцированы охватившей Россию – от обывателей до армейской верхушки! – шпиономании, акцентированной, главным образом, на евреях. Это серьезно осложнило социально-экономическое положение центрального и восточных регионов государства, подчас настолько заметно, что дало основания известному исследователю Г. З. Иоффе задаться вопросом – не те ли, несправедливо выдворенные с места жительства солломоны и оказались в «кожаных куртках военного коммунизма и двадцатых годов⁴⁴»? Наконец, важнейшим и несомненным признаком принудительных миграций еврейского населения России в 1914-1917 гг. является их выраженная этнонаправленность, логически следовавшая из довоенного отношения общества и власти к «нетитульной народности».

39 *Fink C.* Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878-1938. Cambridge (Mass.), 2006. P. 71.

40 *Klier J.D., Lambroza S.* Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 2004. P. 291; *Sterba C.M.* Good Americans: Italian and Jewish immigrants during the First World War. N.Y., 2003. P. 65.

41 *Kramer A.* Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2007. P. 151.

42 *Pauley B.F.* From Prejudice to Persecution: A History of Austrian Anti-Semitism. Chapel Hill; Lnd., 1998. P. 68.

43 *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 90.

44 См.: *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. №9. С. 96. Несомненно, это выражение историка не следует расценивать некритически, т.к. моделируемая им ситуация представляется упрощенной.

И если с проводимые доктором исторических наук О. В. Будницким параллели между истреблением евреев формированиями Белого движения в годы Гражданской войны в России и Холокостом⁴⁵ могут показаться кому-либо спорными, то проистекание этой шовинистической политики из реалий государственного антисемитизма дореволюционной России представляется очевидным. Несомненно, проблема вынужденных переселений и их этнической составляющей (не только еврейской, но и литовской, польской, немецкой и др.) заслуживает дальнейшего всестороннего, углубленного изучения, так как ее актуальность и острота остаются неизменными.

⁴⁵ Будницкий О.В. Карающий штык добровольца // Родина. 2007. №2. С. 74.